

Как надоел Акунин! Григорию

Алиса НИКОЛЬСКАЯ

Борис Акунин
Акунина, как денег, много не бывает. Видимо, этим тезисом руководствовались издательства и продюсеры, уговорившие нас весенне обострение акуниномании. Уже вышли две книги из нового проекта «Жанры» – «Детская книга» и «Шпионский роман». С сегодняшнего дня в широком прокате «Турецкий гамбит». В конце апреля в Российском Молодежном театре состоится премьера «Инь и Ян. Черная версия. Белая версия». Это два варианта одной и той же истории (героем которой опять-таки станет Фандорин), написанные специально для РАМТа. Оба спектакля будут играться в один день.

– Как вы думаете, какое из искусств – литература, театр или кино, легче уводит человека в мир иллюзий?

– Я человек литературоцентричный, поэтому больше верю в текст. Он оставляет больше простора для воображения. Например, если в книжке написано «молодой человек был необычайно хорош собой», читателю видится писаный красавец в его собственном представлении, а это представление у всех разное. Актер же наязывает облик героя, кото-

рый может кому-то и не понравиться. Ну и вообще – чтение делает тебя в гораздо большей степени соучастником процесса. Это занятие более интимное и индивидуальное.

– Вы сами писали сценарий «Турецкого гамбита». В чем специфика подобной работы? Происходит ли переосмысление текста или разницы особенностей для вас не было?

– Разница очень большая. Тут включаются иные правила и законы. Тем более что у продюсеров и режиссера было весьма твердое представление о том, как должен выглядеть современный кинопродукт. Минимум диалогов, максимум динамики и т.п. Я как сценарист старался этому заказу соответствовать.

– Насколько велико было ваше доверие к Джанику Файзиеву? Вообще, ревностно или спокойно вы относитесь к режиссерам, берущимся за ваши произведения?

– Я очень долго примеривалась к режиссеру, но после того, как кандидатура утверждена, относилась к человеку с полным доверием. Это уже не мое произведение, а его. Когда я увидел, что Джаник работает с полной отдачей, что называется, на износ, моей целью было не мешать ему. А если понадобится помочь – ее оказывать.

– Для вас важна точность

воспроизведения первоисточника?

– Мне важно, чтобы в фильме – раз уж он связан с моим именем – не попало ничего такого, что для меня неприемлемо в этическом или эстетическом смысле. По счастью, с «Турецким гамбитом» подобных конфликтов не было.

– Вы контролируете съемочный процесс?

– Нет-нет. Лишь смотрю отснятый материал и высказываю свои замечания-пожелания, о чем меня неоднократно просили. Вообще должен сказать, что Первый канал прежде всего ориентируется на очень молодого зрителя, который сегодня составляет основную часть киноаудитории. Уверен, что возрастная и социальная структура «киноходящих» россиян скоро переменится. А главный плюс отечественного кино – крепкая актерская школа. По технологиям за Голливудом мы вряд ли угнемимся. Хотя в «Ночном дозоре» и «Турецком гамбите» продемонстрировано, что мы в принципе это тоже можем.

– В чем сложность ваших романов? Где режиссеров могут подождать ловушки?

– У меня в книжках постоянная игра нюансов, колебания света и тени, мешанина из жанров. Кино, во всяком случае, массовое, этого не терпит. Это гораздо более прямое искусство, по рукам и ногам связанное правилами. Многое приходится выравнивать. Например, в «Турецком гамбите» у режиссера не было возможности показать многогранность образа главного злодея, из-за чего пришлось перекраивать всю фабулу.

– Файзиев сказал, что сегодня люди в кино интересуют тех-

нологии, а не герои. А вы как думаете? Все-таки создание героя – это непосредственно ваша «технология»...

– Я придерживаюсь иной точки зрения. Джаник, вероятно, хотел сказать, что Первый канал прежде всего ориентируется на очень молодого зрителя, который сегодня со-

постоянных участников, и я часто туда заглядываю. Это, пожалуй, единственная для меня возможность установить обратную связь с читателями, услышать их мнение. Рецензии – жанр особый, от них автору толку мало. Встреч с читателями я не провожу. Так что спасибо Интернету.

– В чем секрет успеха Эрнста Фандорина, помимо пресловутой положительности?

– Ну, он красивый. Одевается хорошо. Одним словом, эффектный мужчина.

– Как сегодня складываются ваши отношения с японской литературой и драматургией?

– Я на сегодняшний день японист в отставке. Веду кое-какие японские проекты, но больше из исторических соображений.

– Появлялась ли ваша работа над, скажем, пьесами Юкио Мисимы на ваше собственное ощущение театра?

– Я в драматургии абсолютный дилетант и к этой сфере своего сочинительства отношусь несерьезно. Скажу вещь еще более ужасную: я не шибко люблю театр. Сочинение пьес для меня вроде тренировки, разыгрывания гамм. Вначале я не думал, что их будут ставить. Единственный пример, когда я написал две пьесы под конкретного режиссера – две версии «Инь и Ян», но об этом есть смысл говорить ближе к премьере.

– Однажды вы сказали, что менее всего вам удается любовные линии. Почему так? И что удается вам более всего?

– Про любовь трудно говорить и трудно писать. Интимные чувства плохо передаются словами, скорее ощущениями или визуально. Вот здесь писателю кинематографа переплюнуть трудно. А удается мне... Что же мне удается-то? Не знаю. Может быть, грустные хеппи-энды?

– Вы публично встретились с собственным альтер-яго только один раз, в «Кладбищенских историях». Зачем вам понадобилась эта встреча?

– Больно сложная была задача, разобраться в своих отношениях с Временем и Смертью. Ни прямым эссеистичным текстом, ни акунинскими сказками не выразишь. Понадобился синтез того и другого.

– Вообще, в каких отношениях эти два человека – Борис Акунин и Григорий Чхартишвили?

– В хороших. Только немного поднадоели друг другу.

– Сейчас очень любят все идентифицировать и позиционировать: этот писатель модный, этот интеллигентный, этот еще какой-нибудь. А как бы вы сами себя называли?

– Сказочник для взрослых. Теперь, правда, еще и для детей – после выхода моей «Детской книги», но это так, единичный случай.